1917-й год стал переломным в истории Российского государства. Февральская и последовавшая за ней Октябрьская революция разрушили основы прежнего государственного устройства. Глубокий раскол, происшедший в обществе, породил братоубийственную гражданскую войну, повлекшую за собой колоссальные потери людских и материальных ресурсов. Социальные катаклизмы не обошли стороной и Крым. За четыре года здесь сменилось несколько правительств. Каждое из них в соответствии со своей политической окраской и в силу понимания текущего момента пыталось осуществлять преобразования в различных сферах жизни полуострова. В статье нашла отражение проводимая ими политика в области охраны историко-культурного наследия, хотя, принимая во внимание кратковременность их пребывания у власти, в большей степени придется рассуждать о реализации отдельных мероприятий, а зачастую лишь о намерениях. Речь пойдет о памятниках, музеях, частных коллекциях. Хронологические рамки ограничиваются периодом с февраля 1917 г., приведшего к падению монархии в России, по ноябрь 1920 г., когда с разгромом врангелевцев в Крыму завершилась гражданская война в ее классическом понимании.

Данная тема в историографии остается малоизученной. В публикациях Ю. А. Бычкова, В. К. Гарданова, О. В. Ионовой, Е. В. Кончина, Д. И. Равикович, В. А. Разумова, посвященных истории музейного строительства и охраны памятников в РСФСР, основное внимание уделено Петрограду, Москве и другим наиболее значительным центрам сосредоточения культурных ценностей.1 Особо следует отметить монографию Ю. Н. Жукова, представляющую собой обобщающее исследование о деятельности органов охраны памятников истории и культуры в 1917-1920 гг.2 Однако в ней показано становление государственной системы охраны памятников в Крыму в ноябре-декабре 1920 г.; а интересующий нас период оказался обойденным стороной, так как автор не ставил перед собой задачу исследовать данную тему на территориях, где кратковременно утверждались буржуазные режимы в период гражданской войны. В кандидатской диссертации В. Ф. Козлова проведен источниковедческий анализ документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Российской академии истории материальной культуры об их взаимоотношениях с крымскими музеями в 1918-1919 гг.3 С. Б. Филимонов опубликовал в извлечениях хранящийся в отделе фондов Крымского республиканского краеведческого музея отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) за 1920 г., занимавшейся сохранением исторических и культурных ценностей.4 А. Г. Зарубин и В. Г. Зарубин обратили внимание на некоторые мероприятия по поддержанию музеев и охране памятников, проведенные Крымскими краевыми правительствами М. А. Сулькевича и С. С. Крыма в 1918—1919 гг.5 Судьбе коллекции древностей, принадлежавшей археологу и нумизмату А. Л. Бертье-Делагарду, посвятил статью А. И. Маркевич.6

Вместе с тем изучение документов хранящихся в государственном архиве Автономной Республики Крым, позволяет дополнить сложившееся по перечисленным выше публикациям представление о том, как решались вопросы сбережения культурного наследия прошлого на полуострове во время революции и гражданской войны. По тематическому признаку их условно можно разделить на три основные группы. Первую образуют документы из фондов наркомата внутренних дел Советской Социалистической Республики Тавриды, Симферопольского военно-революционного

комитета, Совета министров и министерства внутренних дел (МВД) Крымского краевого правительства, Таврического губернского управления, связанные с охраной памятников. Среди них — постановления и распоряжения о проведении учета культурных ценностей, об обеспечении сохранности архитектурных и археологических памятников Евпатории, о финансировании расходов по содержанию памятников на Историческом бульваре в Севастополе. Определенный интерес представляют материалы о попытке создания в Крыму самостоятельной археологической комиссии.

Вторую группу составляют документы, относящиеся к деятельности музеев. В фондах Таврического губернского управления, Крымской национальной татарской директории содержатся сведения о становлении Бахчисарайского музея. В фондах министерств внутренних дел и просвещения Крымских краевых правительств, Керчь-Еникальской городской управы имеются ходатайства заведующих Керченского и Херсонесского музеев об оказании финансовой помощи. Докладные записки, отчеты, переписка о деятельности Ялтинского естественноисторического музея сосредоточены в фондах Ялтинской городской управы и Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба (ЯОККГК). В фонде Симферопольского военно-революционного комитета имеется постановление о придании дому писателя А. П. Чехова в Ялте статуса государственного музея.

К третьей группе относятся документы из фондов управления государственными имениями Южного берега Крыма, комиссариата национальных имений в Крыму, главного управления советскими хозяйствами Южного берега Крыма, позволяющие проследить участь бывших удельных и частных имений, в которых находились значительные исторические и художественные ценности. В них представлены приказы о национализации имений, об обеспечении их охраны, переписка об изъятии мебели, предметов быта и искусства из дворцов и особняков, акты и описи имущества поместий.

К началу 1917 г. Таврическая губерния располагала значительными историческими и культурными ценностями. Она являлась уникальной по плотности и разнообразию археологических, исторических и архитектурных памятников, сосредоточенных в ее пределах. В 1917 г. список открытых античных городов пополнила Керкинитида, которой грозила участь быть погребенной под новостройками Евпатории. Только благодаря письму заведующего Херсонесским музеем Л. А. Моисеева и записке профессора Петроградского университета М. И. Ростовцева «О необходимости расследования античных остатков около нынешней Евпатории и желательности основания местного музея в Евпатории», направленных на имя городского головы С. Э. Дувана, строительство на участках обнаружения древностей удалось остановить.7 5 октября 1916 г. Евпаторийская городская дума на своем заседании постановила: «...1) признать желательным производство раскопок с целью отыскания античных остатков во всех тех местах городской территории, где будут производиться какие-либо постройки, 2) ассигновать для этой цели 3000 рублей... 5) признать желательным учреждение в Евпатории музея для хранения античных находок».8 Результаты исследований, полученные Л. А. Моисеевым в первый раскопочный сезон, начавшийся в январе 1917 г., позволили ему локализовать Керкинитиду на территории старого Евпаторийского карантина.9

Обилие памятников в Крыму создавало немало проблем с обеспечением их сохранности. По законам Российской империи охрана древностей входила в компетенцию МВД, а также Министерства императорского Двора в лице учрежденной в 1859 г.

Археологической комиссии.10 Синод курировал культовые постройки, Академия художеств осуществляла контроль за реставрацией памятников архитектуры. Особенность законодательства состояла в том, что его юрисдикции подлежали лишь памятники, расположенные на государственных, городских и общинных землях. В начале XX в. назрела необходимость пересмотра действовавших законов, касающихся сохранения историко-культурного наследия, в сторону повышения их эффективности. Разработанное в 1910 г. особой комиссией МВД «Положение об охране древностей», поступившее в Государственную Думу, так и не увидело свет, «увязнув» в ее комиссиях.11 Отсутствие действенного законодательства, создававшего бы правовую основу для функционирования специального государственного органа, ведавшего охраной памятников не только в центре, но и на местах, а также надлежащего контроля за соблюдением уже принятых законов со стороны администрации Таврической губернии приводили к утратам культурных ценностей. Потери реликвий прошлого могли быть еще более значительными, если бы в их сбережении не принимали участие такие общественные организации, как Одесское общество истории и древностей (ООИД), ТУАК, ЯОККГК, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (КОЕЛП). В 1916 г. в среде художников, архитекторов, любителей искусства Бахчисарая возникла идея создания общественной организации, заинтересованной в сохранении местных архитектурных и исторических памятников. 31 марта 1916 г. совет общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, находившегося в Петрограде, уведомил художника У. А. Боданинского о согласии на открытие Бахчисарайского отдела.12 5 июля 1916 г. его учредители подали таврическому губернатору Н. А. Княжевичу заявление с просьбой о регистрации. В нем были определены основные направления предполагаемой деятельности, а именно: «...1) регистрация и изучение всех без исключения памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности, 2) устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея.., 3) изыскание средств для поддержания архитектурных памятников».13

Наряду с памятниками составной частью культурного достояния Крыма являлись Керченский, Феодосийский, Херсонесский музеи древностей; музеи, учрежденные ТУАК, ЯОККГК, галерея И. К. Айвазовского, панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.»

В начале XX в. благодаря стараниям городского полицмейстера А. Г. Иваненко, академиков Н. П. Кондакова и Г. И. Котова небольшое собрание памятников татарского быта и восточного искусства образовалось в Бахчисарайском дворце.

Помимо государственных и общественных собраний существо—вали частные коллекции исторических и художественных ценностей. Скульптура, живопись, предметы декоративно-прикладного искусства украшали интерьеры южнобережных дворцов аристократии. Особо следует отметить музей, находившийся в имении Ай-Тодор вел. кн. А. М. Романова. В нем были представлены скульптурные и рельефные изображения богов, жертвенники, керамика, светильники, монеты, украшения, найденные в результате раскопок римского укрепления Харакс I— III вв. н. э.14 Богатейшее собрание произведений искусства, предметов древности находилось в имении «Новый Свет» Л. С. Голицына, посвятившего свою жизнь развитию отечественного виноделия.15 Высоко котировалась коллекция древностей А. Л. Бертье-Делагарда.16 Она делилась на три части. Первую, нумизматическую, составили боспорские и херсонесские монеты, во

вторую вошли античные, готские и византийские ювелирные изделия, к третьей относились предметы крымскотатарского быта: одежда, оружие, домашняя утварь.

Таким образом, накануне Февральской революции 1917 г. на территории Крыма были сосредоточены уникальные культурные ценности, представленные памятниками археологии, архитектуры, истории, искусства, государственными и общественными музеями, частными коллекциями. Большая часть памятников располагалась на частной земле и находилась в полной зависимости от прихотей ее собственников. Попытка разработки нового законодательства об охране историко-культурного наследия, предпринятая в начале XX в., не увенчалась успехом. Отсутствие централизованной системы государственных специализированных органов охраны памятников порождало немало проблем, связанных с обеспечением сохранности культурных ценностей. Посильное участие в их решении принимали общественные организации.

После свержения самодержавия кардинальных изменений в система органов государственной власти не произошло. Структура Временного правительства, образованного 1 марта 1917 г., мало чем отличалась от царского Совета Министров; губернаторов на местах сменили со сходными функциями комиссары. Новацией стало лишь параллельное существование с органами Временного правительства советов разных уровней. В бывшее Министерство императорского Двора, ведавшего царскими дворцами, Эрмитажем, Русским, Керченским и Херсонесским музеями, был назначен комиссар Временного правительства. 14 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление об учреждении в составе Министерства земледелия особого отдела для управления бывшими удельными имениями. В Крыму были национализированы вместе с дворцовыми постройками и находившимся в них имуществом царские дачи «Ай-Даниль», «Курпаты», «Кучук-Ламбат», «Ливадия», «Массандра», «Новый Свет», «Ореанда», «Чукурлар».17

Изменение хода общественного развития в России пагубно отразилось на состоянии ее культуры. Если столичные научные учреждения еще как-то функционировали, то положение провинциальных, лишенных финансирования из центра, стало совсем критическим. Вот почему в это время широкое распространение получает идея консолидации интеллектуальных сил. 8 марта 1917 г. Московское археологическое общество выступило с призовом ко всем учреждениям и просвещенным людям России «соединиться во всех городах... в одно целое общество с обязанностью избрать из своей среды представителей и настаивать на их... участии в комитете общественных организаций, дабы дать таким образом культурному элементу возможность защищать и спасать памятники прошлого...».18 26 мая 1917 г. на чрезвычайной сессии Таврического губернского земского собрания гласный С. С. Крым внес предложение об объединении деятельности и взаимной поддержке всех местных научных учреждений.19 25-26 июля 1917 г. состоялось организационное собрание комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии. Съезд принял положение о комитете, определившее основные задачи: а) обсуждение деятельности и нужд научных учреждений и обществ для согласования и наилучшего направления их работы в интересах науки и на пользу края; б) сближение между собою лиц, занимающихся изучением Таврической губернии; в) содействие систематической направленности научных исследований; г) оказание моральной и материальной поддержки ученым изысканиям, сбору научных материалов, изданию научных трудов, устройству музеев, библиотек и выставок, забота об охране памятников старины и природы.20

Председателем исполнительного бюро комитета был избран заведующий помологической станцией «Салгирка» С. А. Мокржецкий. Из учреждений, занимавшихся охраной памятников, в ассоциацию вошли ТУАК, КОЕЛП, ЯОККГК, Керченский, Феодосийский, Херсонесский музеи древностей.

Ни Временное правительство, ни его органы на местах не смогли воспрепятствовать разгулу анархии в стране, от которого в первую очередь пострадали культурные ценности. В мае 1917 г. подверглись разграблению дворцовые ансамбли в Царском селе, Павловске, Ораниенбауме. Повсеместно крушились памятники представителям павшей династии. Направленные 3 июня 1917 г. из Севастополя в Бахчисарай для поимки дезертиров матросы разрушили памятник 300-летию Дома Романовых.21 22 июня 1917 г. в Феодосии была снята с пьедестала скульптура Александра III.22 В с. Саки Евпаторийского уезда уничтожен памятник Александру II.23

Участившиеся случаи вандализма по отношению к культурному наследию побудили правительство под давлением общественности принять ряд мер, главным образом административного характера, по их пресечению. Циркуляром № 56 от 10 июля 1917 г. МВД поставило в известность таврического губернского комиссара Н. Н. Богданова о том, что все предметы, имеющие художественное или историко-археологическое значение, подлежат сдаче в местную архивную комиссию.24 В циркуляре № 61 от 5 августа 1917 г. того же ведомства предлагалось с помощью губернской ученой архивной комиссии провести регистрацию культурных ценностей в правительственных и общественных учреждениях.25 Тем не менее власть оказалась неспособной защитить культурное наследие страны, что нашло подтверждение в циркуляре комиссара Временного правительства над бывшим Министерством Двора Ф. А. Головина от 16 сентября 1917 г., адресованном губернским ученым архивным комиссиям. В нем констатировалось: «В связи с переживаемыми событиями участились повсеместно в России случаи посягательства на памятники, имеющие историческое и художественное значение, подвергаются порче и расхищаются исторические ценности из дворцовых, правительственных и общественных зданий, также церквей, занимаются различными самочинными организациями постройки, имеющие историческое и художественное значение; в связи с возникающими нуждами в помещениях предпринимаются переделка или перестройка зданий, искажается навсегда их художественный облик...»26

На фоне этой общей удручающей картины в Крыму имелись и положительные примеры отношения к культурному наследию прошлого. Несмотря на все трудности продолжилось археологическое изучение памятников. Проводившиеся в течение 1917 г. раскопки Керкинитиды позволили в общем определить границы городища, его ориентацию, направление улиц и оборонительных стен.27 Заведующий музеем ЯОККГК А. С. Моисеев обследовал стоянки первобытного человека на яйле горы Ай-Петри и у дер. Лимены Ялтинского уезда. На открытых пяти стоянках было собрано около 500 кремневидных орудий и более 11000 осколков кремня.28

Официальный статус национального музея приобрел Бахчисарайский ханский дворец. Приказом от 4 октября 1917 г. таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов назначил его заведующим художника У. А. Боданинского, специализировавшегося на изучении крымскотатарского искусства.29 В музейный совет вошли представители от Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Со дня учреждения музея начался сбор предметов, имевших отношение к прошлой и современной жизни крымских татар. За короткий срок благодаря

пожертвованиям местного населения и антикваров музейный фонд увеличился до 1000 экспонатов.30 С целью повышения доходности учреждения совет установил плату за осмотр музея. Проводился ремонт ветхих стен и кровель зданий, составлявших дворцовый комплекс. Уцелевшие от разрушительного воздействия времени архитектурные и исторические памятники Бахчисарая полностью перешли на попечение дирекции музея.

25 октября 1917 г. в Петрограде совершилась пролетарская революция. Острая борьба различных политических сил в Крыму завершилась установлением в январе 1918 г. советской власти. 22 марта 1918 г. Таврический ЦИК объявил территорию Крымского полуострова Социалистической Советской Республикой Таврида и образовал Совет народных комиссаров. Новая власть в обстановке начавшейся гражданской войны, нависшей над Крымом угрозы военной интервенции со стороны кайзеровской Германии, экономического хаоса приступила к социалистическим преобразованиям. Ее опорой при проведении мероприятий в сфере культурного строительства, в том числе и в организации охраны памятников, стали функционировавшие на полуострове общественные организации. 3-5 января 1918 г. в Симферополе проходил третий съезд комитета объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии, поддержавший идею «признать государственной собственностью места, в которых находятся памятники древности и старины, городища, курганы, пещерные города, а равно находящиеся в недрах земли предметы древности».31 Таврический ЦИК поручил председателю исполнительного бюро комитета С. А. Мокржецкому организацию защиты научных учреждений, памятников природы, искусства и старины от расхищения.32 Основной общественной организацией, активно выступавшей за сохранение культурного наследия, оставалась ТУАК, хотя и понесшая ощутимые потери в личном составе в период революционного лихолетья. Деятельность ТУАК также значительно осложнил разрыв связей с научными учреждениями, находившимися за пределами Таврической губернии. Достаточно отметить, что единственным документом, полученным ТУАК за весь 1918 г., было отношение Археологической комиссии от 2 марта, призывавшее деятелей в области изучения памятников прошлого «в настоящий тяжелый момент... быть на своих местах и напрячь все силы, чтобы охранять достояние народа в виде оставшихся от прежних времен памятников жизни и искусства».33

Лишившись финансовой поддержки центральных учреждений, в трудное положение попали крымские музеи. В феврале 1918 г. прекратилось финансирование музея в Мелек-Чесменском кургане, до революции содержавшегося на средства МВД.34 15 марта 1918 г. Керченский музей древностей получил телеграмму из Петрограда от Археологической комиссии с извещением о том, что денежные переводы не принимаются, и предложением просить временно заимообразно средства у местных властей.35 Однако возможности местных органов власти и городского самоуправления были ограничены. Так, из 2500 рублей, необходимых в 1918 г. музею ЯОККГК на пополнение фондов, научно-исследовательскую и экскурсионную работу, Ялтинская городская дума смогла ассигновать только 1000 рублей.36

Особую актуальность приобрела проблема обеспечения сохранности культурных ценностей, сосредоточенных в частных имениях. Революция, всколыхнувшая различные слои населения, породила такие побочные явления, как анархию, разбой, грабежи. Слишком велик был соблазн у люмпенизированного элемента, используя лозунг классовой борьбы с эксплуататорами, поживиться принадлежавшим им имуществом. В

это время высокую сознательность проявили сельскохозяйственные рабочие некоторых бывших помещичьих имений в Ялтинском уезде. В конце октября 1918 г. рабочий комитет взял на себя управление имением Раевских «Партенит». В декабре 1917 г. собрание рабочих имений «Массандра» и «Ореанда», принимая во внимание, что «охрана предприятий слаба, нет гарантий сохранности дворцов и парков..., вынесло резолюцию о захвате управления в свои руки».38 В начале января 1918 г. по инициативе члена ТУАК В. Д. Геймана Феодосийский военно-революционный комитет принял меры по охране от разгрома имения Шеих-Мамай наследников И. К. Айвазовского Лампси, где находились мастерская, картины, вещи знаменитого художника, а также имения ботаника А. Юнга в Коктебеле.39

На крупные помещичьи имения большевистская власть смотрела прежде всего как на объекты для организации коллективного сельскохозяйственного производства и сразу же приступила к их национализации. В феврале 1918 г. в ведение управления национальными имениями Крыма перешло со всеми угодьями, постройками, движимым имуществом около 60 поместий, в том числе «Алупка» Е. А. Воронцовой-Дашковой, «Гаспра» С. В. Паниной, «Карасан» Раевских, «Кичкине» вел. кн. Д. К. Романова, «Мисхор» О. П. Долгорукой и другие.40 Вместе с тем признавалась их ценность как памятников культуры общегосударственного значения, подлежавших охране. Распоряжением комиссара народного просвещения Ялтинского уезда Е. Кириако от 25 марта 1918 г. Алуштинскому, Алупкинскому, всем волостным советам предписывалось создать культурно-просветительно-агитационные комитеты, которые должны были до конца мая произвести регистрацию всех книг, рукописей, а также произведений искусства... во всех усадьбах и дворцах национальных и упраздненных частновладельческих имений.41 Однако объявление о национализации имений еще не гарантировало неприкосновенность культурных ценностей, что нашло подтверждение в циркуляре наркома внутренних дел Социалистической Советской Республики Тавриды С. П. Новосельского от 8 апреля 1918 г. следующего содержания: «Из различных мест... поступают сведения о том, что из пустующих домов и дач за отсутствием надлежащего надзора расхищается различное домашнее имущество. Признавая вообще подобного рода положение дел недопустимым.., прошу совдепы о принятии срочных мер к приостановлению таких хищений».42 17 апреля Ялтинский уездный совет получил указание наркомата внутренних дел «принять самые энергичные меры к охране от разгрома библиотеки известного ученого А. Л. Бертье-Делагарда, его собрания карт историко-географических и рисунков, касающихся Крыма».43

К 1 мая 1918 г. Крым оказался полностью оккупирован немецкими войсками, Социалистическая Советская Республика Таврида прекратила свое существование.

Таким образом, в первый период установления советской власти в Крыму (январь-апрель 1918 г.) большевики в сотрудничестве с общественными организациями предприняли ряд мер по обеспечению сохранности культурного наследия прошлого. Назначение уполномоченного по защите научных учреждений и памятников стало первым шагом на пути формирования государственного органа охраны культурных ценностей. Вследствие начавшейся гражданской войны, разрушившей связи Крыма с центром, на грань выживания были поставлены музеи, находившиеся на государственном бюджете. Финансовые возможности местных органов власти не позволили обеспечить их деятельность в полном объеме. Основное внимание уделялось сбережению исторических и художественных ценностей, сосредоточенных в частных

имениях путем проведения их национализации с предполагаемой дальнейшей регистрацией, прерванной из-за немецкой оккупации Крыма.

25 июня 1918 г. в Крыму завершился растянувшийся почти на два месяца процесс становления новых органов власти. С благословения германского командования начало функционировать Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем. Хотя в опубликованной Декларации «К населению Крыма», ставшей манифестом действий кабинета, ничего не говорилось об отношении к историко-культурному наследию, тем не менее, ему пришлось столкнуться и с проблемами охраны памятников. Ощутимый урон памятникам археологии наносили достигшие с весны 1918 г. небывалого прежде размаха грабительские раскопки в Керчи и окрестностях. В отношении заведующего Керченским музеем древностей В. В. Шкорпила, направленном 17 мая 1918 г. в городское общественное управление, отмечалось: «...Древние некрополи на Глинище и на южном склоне Митридатовой горы подвергаются самому наглому разграблению... 3-го сего мая производились незаконные археологические раскопки среди белого дня при стечении многочисленной публики на южном склоне г. Митридат 23 лицами, большинство которых давно известно своей наклонностью обогатиться дешевым образом. Так как мне 16 мая было отказано комендантом Керчи в разрешении возвратить моему надсмотрщику и сторожам оружие, столь необходимое для защиты от толпы обнаглевших счастливцев», то я обращаюсь к городскому управлению с... просьбою принять самому меры для пресечения вышеизложенного зла...» 44

По иному, нежели в Керчи, обстояло дело с сохранностью древностей в юго-западном Крыму. Прежде всего было обеспечено финансирование археологических изысканий. 13 мая 1918 г. Совет представителей правительственных и общественных губернских учреждений и местных самоуправлений принял постановление об открытии кредита в 1000 рублей на продолжение исследований Керкинитиды.45 19 октября 1918 г. Совет министров выделил еще 10000 рублей на содержание музея и раскопок в Херсонесе и Евпатории.46 МВД предотвратило попытку поселения команды бойскаутов на территории Евпаторийского карантина, где проводились археологические раскопки.47 6 ноября 1918 г. оно обязало начальника Евпаторийского уезда принять меры по охране древней городской стены с двумя башнями возле евпаторийского Приморского санатория.48

Занимаясь вопросами охраны памятников в отдельном регионе полуострова, Краевое правительство не смогло их решить в масштабе всего Крыма, хотя возможность такая была. 16 июня 1918 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев представил премьер-министру М. А. Сулькевичу докладную записку, в которой обосновал необходимость образования Главного управления музеев, раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды, «которое, приняв на себя все функции центральной власти, озаботилось бы, с одной стороны, сохранением уже имеющихся учреждений по охране памятников, с другой, — подготовило бы возможность создания таких новых учреждений, как: 1. Историко-археологический институт для всестороннего научного исследования Крыма. 2. Центральный археологический музей Тавриды, куда должны быть возвращены из музеев Петрограда и Москвы все вещи, найденные в пределах Крыма».49 Важнейшей функцией управления должна была стать разработка законопроекта об охране памятников. 6 июля 1918 г. Л. А. Моисеев передал в канцелярию М. А. Сулькевича проект положения о Главном управлении музеев,

раскопок и охраны памятников искусства и старины Тавриды и временную смету расходов.50 Более четырех месяцев эти материалы находились на предварительном рассмотрении в министерстве народного просвещения. 26 октября 1918 г. из министерства путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов на имя председателя ТУАК А. И. Маркевича поступило уведомление о том, что в ближайшем будущем предполагается внести в Совет министров доклад об образовании особого ведомства Крымского краевого правительства, которое должно взять на себя высшее руководство делом охраны памятников искусства и старины в Крыму».51 В нем содержалась просьба сообщить мнение комиссии относительно целесообразности его учреждения. Последовавшая в ноябре 1918 г. очередная «правительственная пересменка» отложила решение данного вопроса.

Трудные времена наступили для местных музеев. Особенность переживаемого момента заключалась в том, что Археологическая комиссия, курировавшая Керченский и Херсонесский музеи древностей, находилась в Петрограде, в Советской России, а они — на территории, где утвердилась антибольшевистская власть. Само собою разумеется, что ни о каких взаимоотношениях между ними не могло быть и речи. Прекратилось поступление средств, на которые содержались музеи. 21 августа 1918 г. В. В. Шкорпил обратился в Совет министров с просьбою «дать... указания, каково должно быть положение Керченского музея при новом порядке вещей» и «распорядиться, чтобы из Керченского казначейства выдавалось жалованье для служащих музея».52 Определение статуса Керченского музея, по-видимому, затянулось, что вынудило ТУАК и комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии в лице состоявшегося в октябре 1918 г. четвертого съезда, ходатайствовать перед правительством о передаче его в ведение министерства народного просвещения.53 Предоставленные самим себе музейные учреждения смогли все же выжить в этой сложной ситуации. Музей ЯОККГК даже несколько активизировал свою работу. В течение лета 1918 г. его заведующий А. С. Моисеев продолжил обследование открытых и пещерных стоянок на Долгоруковской и Никитской яйлах, Бабугане, Демерджи, Караби, Чатырдаге.54 Петрограф Д. И. Щербаков собрал для музея коллекции горных пород и минералов Южного берега Крыма.55 Прежнее музейное помещение в здании ЯОККГК уже оказалось тесным для размещения всех экспонатов. В октябре 1918 г. Краевое правительство передало музею бывшие казармы Виленского полка в Ливадии.56 Музей превратился в самостоятельное учреждение, получив наименование Ялтинский естественно-исторический.57 Придя к власти, правительство М. А. Сулькевича сразу же заявило об отмене всех большевистских декретов, в том числе и касающихся национализации. Частные имения возвращались прежним владельцам. В ведении управления национальными имениями остались лишь бывшие удельные владения, признанные по Декларации государственной собственностью Крыма, что давало право распоряжаться находившимся в них имуществом. Продолжалось начатое при большевиках изъятие мебели из имения Ливадия для нужд как гражданских, так и военных учреждений. Часть обстановки Министерского и Свитского корпусов Ливадийского дворца использовалась для меблирования помещений дома Совета министров (бывшего губернаторского), Таврического университета, открытого в 1918 г., казенной квартиры М. А. Сулькевича в Симферополе, германской комендатуры и клуба немецких офицеров в Ялте.58 Причем «истинные хозяева» Крыма, немецкие оккупанты, изымали имущество, представлявшее историческую и художественную ценность. 30

июня 1918 г. явившийся в имение «Ливадия» вахмейстр Водрих приказал сопровождавшим его солдатам вынести и погрузить на автомобиль мебель из парадного кабинета бывшего императора Николая II и некоторые вещи, составлявшие личную собственность бывшей императрицы Александры Федоровны.59 В ответ на протест заведующего дворцом Б. Б. Рудзинского он заявил, что ему поручено взять обстановку, которую сочтет подходящей. Среди вывезенных вещей оказались диван, кресла, стулья, столы, комод, вазы фарфоровые из яшмы, 7 персидских ковров, картины, в том числе две кисти И. К. Айвазовского. Значительная часть изъятого имущества была вывезена при отступлении интервентов из Крыма в ноябре 1918 г. В оставленной командующим немецкими войсками генералом Кошем резиденции на фабрике Эйнем в Симферополе отсутствовали ореховый письменный стол, гардеробный шкаф, 4 кресла, ковер, принадлежавшие имению «Ливадия».61 Материально пострадал и Бахчисарайский дворец, где с мая по август 1918 г. размещался штаб 7-го немецкого егерского полка. Проследовавшие через Бахчисарай немецкие воинские части изъяли разного рода дворцового имущества на сумму в 2785 рублей.62

Поражение Германии в первой мировой войне привело к окончанию немецкой оккупации Крыма. Лишившись поддержки своих иностранных покровителей, пало первое Краевое правительство. За время нахождения у власти (июнь-ноябрь 1918 г.) ему так и не удалось выработать определенной политики по отношению к культурному наследию прошлого. Проникнувшись идеей о необходимости создания в Крыму государственного органа охраны памятников, оно тем не менее не смогло ее реализовать. Функционирование музеев обеспечивалось лишь за счет скудных местных бюджетов. Правительство не сумело предотвратить разграбление немецкими оккупантами богатств Крыма. Вывозилось не только промышленное оборудование, продовольствие, но и культурные ценности.

15 ноября 1918 г. кабинет М. А. Сулькевича передал свои полномочия второму Краевому правительству во главе с С. С. Крымом. Новому правительству досталось в наследство от предыдущего немало проблем, в том числе связанных с сохранением культурных ценностей. Их решение полностью зависело от состояния краевого бюджета, наполняемость которого в условиях кризиса, поразившего экономику Крыма, оставляло желать лучшего. Кроме того, огромные средства приходилось тратить на содержание частей Добровольческой армии, занявших вместе с экспедиционным корпусом стран Антанты полуостров, оставленный немецкими войсками. Вследствие этого сфера культуры финансировалась по остаточному принципу. В частности Совет министров распорядился выделить 3000 рублей на выплату жалованья сторожу при древнем пещерном храме в Инкермане и 2400 рублей на расходы по наблюдению за памятниками Исторического бульвара в Севастополе.63 Общественность Крыма настойчиво обращала внимание правительства на необходимость принятия мер по поддержанию древностей. «Доклады местного характера по регистрации, описанию и изучению памятников природы и старины, подлежащих охране» обсуждались на пятом съезде комитета объединенных научных обществ и учреждений Таврической губернии, проходившем 14-16 января 1919 г. в Севастополе.64 ТУАК неоднократно ходатайствовала о ремонте пришедшей в ветхость из-за бурь и дождей генуэзской башни св. Константина в Феодосии.65 Ремонт, требовавший всего несколько сотен рублей, так и не был произведен.

Финансовые затруднения правительства отразились на состоянии музеев. В 1918 г. в

ведение дирекции Керченского музея перешел музей в Мелек-Чесменском кургане.66 18 января 1919 г. МВД уведомило Керчь-Еникальскую городскую управу о том, что «содержание Керченского музея древностей на средства краевой казны является обременительным, тем более, что учреждение это обслуживает не только местные крымские интересы, но имеет общегосударственное значение».67 Городским властям предлагалось принять на себя расходы по его содержанию. Без поддержки со стороны правительства остался Бахчисарайский дворец-музей, смета расходов которого на 1919 г. составляла 19400 рублей. Только лишь за счет средств, отпускаемых Крымско-татарской национальной директорией, частных пожертвований приобретались предметы искусства и была учреждена библиотека-архив для хранения образцов древней татарской литературы, рукописей, документов. Кабинет С. С. Крыма пытался облегчить участь Херсонесского музея. 6 февраля 1919 г. министр народного просвещения С. А. Никонов обратился в бюджетную комиссию при министерстве финансов с просьбой «в виду тяжелого материального положения, в котором находятся... музей и раскопки Херсонеса и Евпатории», разрешить вопрос о выдаче взаимообразно пособия на 1919 г. в размере 29200 рублей из средств краевой казны.69

Провозгласив в декларации от 14 ноября 1918 г. стремление к возрождению единой России как свободного демократического государства, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей его населяющих, второе Крымское краевое правительство на деле демонстрировало полное безразличие к судьбе памятников и музеев, составлявших неотъемлемый элемент той самой культуры.

В конце апреля 1919 г. в результате наступления частей Красной Армии на территории Крыма, за исключением Керченского полуострова, вторично утвердился большевистский режим, продержавшийся 75 дней. 2 мая 1919 г. оформился Совет народных комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики (КССР). На местном уровне власть сосредоточили в своих руках военно-революционные комитеты. Культурным строительством в Крыму руководил наркомат просвещения. К тому времени в РСФСР, составной частью которой стала провозглашенная КССР, уже действовали декреты «О национализации Третьяковской галереи» (3 июня 1918 г.), «О запре-щении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (19 сентября 1918 г.), «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (5 октября 1918 г.),70 определившие политику советского государства по отношению к историко-культурному наследию. Эти и другие законодательные акты послужили для большевистского правительства Крыма руководством к действию. 1 мая 1919 г. во исполнение ленинского декрета «О памятниках республики» в Симферополе демонтировали монумент Екатерины II.71 Фигуры императрицы, Г. А. Потемкина, В. М. Долгорукова, бюсты А. В. Суворова, Я. И. Булгакова были брошены во дворе духовной семинарии, подвергались порче от сырости и невежественного с ними обращения за отсутствием надзора».72 Пострадал также Долгоруковский обелиск, лишившись мраморных барельефов.73

Агитационной комиссии прифронтовой полосы было выделено 10000 рублей «для объезда культурных центров Крыма в целях обеспечения их от расхищения достаточной охраной».74 4 мая 1919 г. Симферопольский военно-революционный комитет принял постановление об объявлении дома писателя А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием.75 Прифронтовое положение республики вынуждало правительство

прежде всего заниматься укреплением обороноспособности. Казармы, в которых размещался Ялтинский естественноисторический музей, были реквизированы для военных нужд. Хозяйственный комитет Ялтинской мужской гимназии предоставил музею во временное пользование помещение своего пансиона из пяти залов и шести комнат. СНК КССР выделил на обустройство на новом месте и поддержание деятельности музея 20 тысяч рублей».76 Одним из источников поступления средств в бюджет явилась наложенная на буржуазию контрибуция. Широкое распространение получили реквизиции имущества, среди которого встречалось немало раритетов. В Евпатории местом концентрации изъятых у буржуазии предметов искусства и археологических находок из Керкинитиды стал учрежденный ревкомом дворец науки.77 Однако часть культурных ценностей не попала в музейные фонды, оказавшись попросту расхищенной. Так, например, 9 мая 1919 г. при проведении по ордеру Крым ЧК обыска у проживавшего в Симферополе отставного генерал-майора А. М. Чайковского вместе с драгоценностями была конфискована семейная историческая реликвия — сабля, принадлежавшая гетману Украины И. Брюховецкому, впоследствии бесследно исчез-нувшая.78

При осуществлении повторной национализации южнобережных имений особую озабоченность вызывала судьба находившихся там художественных ценностей. Постановлением Симферопольского военно-революционного комитета от 20 апреля 1919 г. создается комиссариат национальных имений в Крыму.79 Ревкомам Крыма предписывалось «немедленно принять меры для охраны курортов, оставленных имений и имуществ.»80 В приказе № 1, подписанном 23 апреля 1919 г. управляющим национальными имениями А. Никифоровым, от рабочих и служащих требовалось строжайшее исполнение распоряжений о сохранении культурных ценностей, парков, садов.81 19 мая 1919 г. для предотвращения случаев расхищения и порчи имущества в национализированных имениях была образована особая комиссия.82 В нее вошли представители от комиссариатов национальных имений, здравоохранения, просвещения, комиссии по охране памятников, союза художников, местных ревкомов. Им предстояло произвести опись имущества имений и организовать его перемещение в подведомственные учреждения. Для надобностей комиссии по охране памятников были переданы дворцы «Сельбиляр» М. В. Барятинской и Алупкинский Е. А. Воронцовой-Дашковой.83 Наркомат просвещения командировал в Ялтинский уезд в качестве своего уполномоченного по сбору культурных ценностей поэта и художника М. А. Волошина. 6 июня 1919 г. он присутствовал на заседании правления ЯОККГК, на котором предложил сотрудникам Ялтинского естественноисторического музея принять участие в этой работе. Правление, хотя и не поддержало его предложение, тем не менее постановило: «Вещи, поступившие в музей от отдела просвещения, представляющие культурную ценность, принять на хранение с правом пользования».84 Самым значительным приобретением Ялтинского музея того времени явилась принадлежавшая вел. кн. А. М. Романову археологическая коллекция из 2000 предметов, перевезенная из имения Ай-Тодор.85 12 июня 1919 г. на полуострове возобновились военные действия. Под натиском десанта деникинцев части Красной Армии покинули Крым. 26 июня 1919 г. КССР пала.

Итак, классовый подход, в целом характерный для политики правительства КССР, нашел свое проявление и в отношения к культурному наследию прошлого. Его жертвами стали памятники государственным и военным деятелям царской России, воздвигнутые в

Симферополе, причем в расчет бралось исключительно социальное происхождение увековеченных в монументальном искусстве, а не их заслуги перед Отечеством. Национализация культурных ценностей, сосредоточенных в частных имениях, многие из которых покинули владельцы, спасаясь от ужаса революционных потрясений, являлась единственным способом обеспечить их сохранность в тех условиях и позволила пополнить уже существующие музейные фонды, а также увеличить их количество.

22 июня 1919 г. населению Крыма било объявлено о восстановлении Таврической губернии в прежних пределах и переходе ее под управление Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР) генерала А. И. Деникина. Первоначально гражданскими делами на территориях, подконтрольных ВСЮР, занималось созданное при Главнокомандующем Особое совещание, руководившее работой различных отраслевых ведомств. Вопросы сбережения культурных ценностей находились в компетенции разряда охраны памятников искусства и культуры части изящных искусств и древностей управления народного просвещения. В октябре 1919 г. управление народного просвещения разослало попечителям и инспекторам учебных округов циркуляр, в котором излагались рекомендации по спасению реликвий. Прежде всего, предлагалось составить точные сведения о всех вновь образованных советских музейных фондах искусства и древностей, включавших коллекции, принадлежавшие ранее монастырям, усадьбам, частным лицам, а также о разрушенных или пострадавших от волнений дворцах, часовнях, монументах. Циркуляр содержал призыв «привлечь и заинтересовать лучшие народные силы в лице местных людей и представителей культурно-просветительных организаций к охранению и собиранию расхищенных произведений искусства».86

Признавая необходимость оберегать бесценные сокровища прошлого, власти на местах мало что делали практически. 26 июля 1919 г. директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев обратился в управление внутренних дел при Особом совещании с просьбою предоставить Херсонесской дирекции раскопок функции Археологической комиссии, определив местом ее пребывания Севастополь.87 Иной точки зрения придерживался таврический губернатор Н. А. Татищев, направивший 17 октября 1919 г. свои соображения на этот счет начальнику управления внутренних дел В. Носовичу. В частности, он писал: «Принимая во внимание, что лица, заведующие раскопками в Херсонесе и Керчи, постоянно заняты обширной работой на местах, я полагаю нежелательным в интересах дела передать одному из них охрану древностей на всем пространстве Таврической губернии. По моему мнению, целесообразно учреждение в Симферополе особого коллегиального органа под председательством таврического губернатора в составе: 1) представителя Таврического университета, 2) членов Археологической комиссии, заведующих раскопками в Херсонесе и Керчи, 3) представителя ТУАК. Эту комиссию в случае надобности можно было бы пополнить представителем Одесского общества истории и древностей и компетентным лицом, которое ведало бы охраной курганов и городищ в северных уездах губернии».88 Если сравнивать эти два проекта, то, несомненно, второй выглядел гораздо предпочтительней. С одной стороны, он учитывал специфику губернии, заключавшуюся в многообразии находящихся на ее территории остатков древностей, изучение которых вряд ли могло оказаться по силам одному музею, где квалифицированном специалистом являлся лишь директор, а остальные служащие выполняли техническую работу. С другой стороны, он предполагал координацию действий различных учреждений,

занимавшихся исследованием и охраной памятников. В результате все закончилось тем, что ни один из проектов при А. И. Деникине так и не был реализован. Более того, Л. А. Моисеев, назначивший сам себя председателем Археологической комиссии, приказом № 402 от 29 ноября 1919 г. по управлению народного просвещения при Особом совещании лишился этого звания.89 Только после прихода к власти в Крыму П. Н. Врангеля, сменившего 22 марта 1920 г. А. И. Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР, ему удалось добиться желаемых полномочий, впрочем, для пользования которыми оставалось мало времени.

В отличие от властных структур общественность Крыма проявляла гораздо больше заинтересованности в сохранении культурного наследия. ТУАК взяла на себя заботу по восстановлению монумента Екатерине II в Симферополе. 4000 рублей на ремонт памятника перечислило Симферопольское городское управление, 1000 рублей — Таврическое дворянское депутатское собрание, 1860 рублей поступило от частных лиц.90 К 1 декабря 1919 г. восстановительные работы под руководством губернского инженера И. В. Ларионова были завершены. ТУАК ходатайствовала перед Таврическим губернским управлением о ремонте башни св. Константина и охране могилы героя русско-иранской войны 1804-1813 гг. генерала П. С. Котляревского в Феодосии, о реставрации стен и башен Судакской крепости, мечети в дер. Колечь-Мечеть Феодосийского уезда.91 Усилия ТУАК по сохранению культурного наследия прошлого получили поддержку Таврического университета. В то время в вузе работали многие выдающиеся ученые. Они прекрасно понимали, какое значение имеют исторические и художественные ценности и принимали посильное участие в судьбе культурно-просветительных учреждений Крыма. 22 сентября 1919 г. в ведение временной комиссия о вакуфах в Крыму перешел Бахчисарайский дворец-музей.92

21 октября 1919 г. по инициативе Таврического университета и ТУАК состоялось совещание, обсудившее вопросы охраны и изучения архитектурных памятников Бахчисарая. Его участники признали необходимым создание компетентного органа, которому должно быть поручено «заведование художественно-исторической стариной и управление Бахчисарайским дворцом».93 Таким органом, по их мнению, могла стать комиссия, образованная из представителей от МВД, Таврического университета, Таврического магометанского духовного правления, временной комиссии о вакуфах в Крыму, ТУАК, Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В связи с ликвидацией Археологической комиссии, осуществлявшей квалифицированный надзор за реставрацией Бахчисарайского дворца, 31 декабря 1919 г. совет Таврического университета обратился к губернатору Н. А. Татищеву с предложением передать ему ее функции. Однако все это не имело практической реализации. Действия губернской администрации ограничились заменой заведующего Бахчисарайским музеем и составлением акта осмотра дворцовых помещений, определившего перечень неотложных ремонтных работ.

Физико-математический факультет Таврического университета на собрании 12 ноября 1919 г. вынес решение принять в свое ведение Ялтинский естественноисторический музей, избрав его куратором профессора В. А. Обручева.94 ЯОККГК, оставшись без доходов из-за прекращения экскурсий, было не в состоянии его содержать. Мизерная субсидия, назначенная из городского бюджета, и средства, вырученные от продажи земельного участка в дачной местности Исар, не покрывали музейных расходов. Музею, хранившему ботанические, зоологические, геологические, этнографические и

археологические коллекции, угрожало полное закрытие. Педагогический совет гимназии, где он располагался, настаивал на освобождении арендуемых им помещений. Все экспонаты были втиснуты в один зал, и музей превратился в склад коллекций. Само собою разумеется, что ни о какой научной, а тем более экскурсионной работе не могло быть и речи, хотя комплектование фондов продолжалось. В музей поступили: коллекция оружия канцлера России А. И. Горчакова, проекты строительства Ливадийского дворца архитектора Н. П. Краснова, собрание карт А. Л. Бертье-Делагарда.95 В докладной записке от 2 мая 1920 г., поданной на имя правителя Юга России П. Н. Врангеля, профессор В. А. Обручев и академик В. И. Вернадский, указывая на безвыходное положение музея, писали: «...В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особо важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работы в Ялте. Ввиду важности дела просим Вас обратить на него свое просвещенное внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки».96 Столь же актуальной проблема размещения фондов оставалась и для музея ТУАК, который в 1919 г. «несмотря … на крайнюю тесноту… посещался учащимися городских школ со своими учителями, студентами университета, профессорами и другими лицами в особо назначенное время».97 По существу на одном энтузиазме работали и служащие Керченского музея древностей. Получая скудное жалованье, которого не хватало даже на пропитание, они не только охраняли уникальные памятники, но и проводили археологические раскопки, занимались составлением каталога музейных экспонатов.98 В декабре 1919 г. в печати вышел «Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей», подготовленный его директором К. Э. Гриневичем.

Отмена большевистских декретов позволила прежним хозяевам вернуть национализированные у них усадьбы и уцелевшее реквизированное имущество. В условиях экономической разрухи, безудержного роста инфляции предметы старины и искусства являлись единственным источником существования их владельцев. Показательна в этом отношении судьба коллекции А. Л. Бертье-Делагарда. Собирая на протяжении многих лет раритеты, он предполагал впоследствии передать их какому-либо общественному музею. Лишение пенсии и доходов вынудило его в конце 1919 г, продать свое собрание.99 Некоторые предметы из коллекции затем попали в Британский музей.

Явственно обозначившийся осенью 1920 г. провал внутренней политики П. И. Врангеля, усугубленный поражением русской армии в сражениях с войсками Южного фронта в Северной Таврии, ускорил агонию режима. Разуверившись в том, что через Крым начнется возрождение великой России, опасаясь красного террора, состоятельные слои населения спешно покидали полуостров. Брошенные особняки и поместья в очередной раз становятся объектами набегов грабителей. 1 ноября 1920 г. рабочие и служащие имения Воронцовых-Дашковых обратились во временный комитет общественной безопасности Алупки с просьбою ввиду отсутствия оружия и малочисленности личного состава оказать содействие в охране имущества, представляющего огромную ценность.100 Через две недели в Крыму вновь утвердилась советская власть, которая окончательно распорядилась доставшимся культурным наследием прошлого. Таким образом, политика находившихся у власти в Крыму с марта 1917 г. по ноябрь 1920 г. режимов по отношению к историко-культурному наследию в основном ограничилась

отдельными акциями, причем без особых ощутимых результатов. Да на них вряд ли приходилось рассчитывать, поскольку полуостров превратился в арену ожесточенной классовой борьбы. А когда решался вопрос о власти, все остальные, включая и вопросы развития культуры, как правило, отодвигались на задний план. Неоднократные попытки создания различными правительствами государственного органа охраны памятников заканчивались назначением номинальных уполномоченных, не успевавших воспользоваться предоставленными им правами. Хозяйственная разруха не позволяла профинансировать даже самые ограниченные потребности культурно-просветительных учреждений. Музеи вынуждены были частично сворачивать свою деятельность, хотя комплектование фондов, исследования памятников, экскурсионная работа по мере возможности продолжались. Не обошлось и без потерь культурных ценностей: разрушались памятники, грабились дворянские усадьбы, вывозились за границу коллекции и отдельные предметы старины и искусства. Но даже в условиях гражданской войны передовая часть интеллигенции — преподаватели Таврического университета, члены ТУАК и других научных организаций, музейные работники пытались делать все возможное, чтобы свести это потери к минимуму.

1 Бычков Ю. А. В государственном масштабе. — М., 1970; Гарданов В. К., Кононов Ю. Ф. Музейное строительство в РСФСР (1917-1920 гг. // В.И. — 1955. — № 4. — С. 117-124; Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917-1920) // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. — М., 1957. — Вып. 1. — С. 7-57; Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев в РСФСР в первые 10 лет Советской власти // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. — М., 1957. — Вып.1. — С. 37-72. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. — М., 1981.; Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1971-1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. — М., 1970. — Вып. 22; Разумов В. А. Богатства, возвращенные народу. — М., 1968.

2 Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920. — М., 1989.

3 Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму, 1917-1928 гг.: Автореф. канд. дис. — М., 1984.

4 Филимонов С. Б. Крым, 1917-1920 годы: Таврическая ученая архивная комиссия и памятники культуры // Крымский музей. — Симферополь. — 1995.— № 1.— С. 100-101.

5 Зарубин В. Г. Политика Крымских краевых правительств в отношении развития исторической науки, археологии, музейного дела и сферы охраны памятников // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Секция охраны памятников археологии. — Симферополь. — 1994. — С. 16-18; Зарубин А. Г. К вопросу о Крымском краевом правительстве М. А. Сулькевича (1918 г.) // Крымский музей. — Симферополь. — 1995. — № 1. — С. 54.

6 Маркевич А. И. К судьбам коллекции древности и старины А. Л. Бертье-Делагарда // ИТОИАЭ. — Симферополь. — 1928. — Т. II. — С. 144-145.

7 Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). — Ф. 681. — Оп. 2. —

Д. 609. — Л. 128-133 об.
8 Там же. — Ф. 42. — Оп. 1. — Д. 113. — Л. 217-218.
9 Моисеев Л. А. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТУАК. — Симферополь. — 1918. — № 54. — С. 252.
10 ГА АРК. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 9.
11 Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) // История музейного дела в СССР. Труды НИИ музееведения. — М., 1957. — С. 121.
12 ГА АРК.— Р—2235. — Оп. 1 .— Д. 26 — Л 16.
13 Там же.
14 Ай-Тодор в эпоху римского владычества. // ИТУАК. — Симферополь. — 1911. — № 45. — С. 99; Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. — СПб. — Вып. 40. — С. 1-2.
15 ГА АРК. — Р-3814. — Оп. 1. — Д. 233. — Д. 1-150; Григорьева Н. Новосветское собрание живописи XVII вв. князя Л. С. Голицына. Из коллекции Севастопольского художественного музея // Вдохновленный Крымом. Полуденный альманах. — Москва-Симферополь. — 1998. — С. 175-176.
16 Маркевич А. И. К судьбам коллекции. — С. 144.
17 ГА АРК. — Р-2423. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 230.
18 Протокол заседания Таврической архивной комиссии 13 апреля 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1919. — № 56. — С. 309.
19 ГА АРК. — Ф. 42.— Оп. 1.— Д. 1396. — Л. 29.
20 Там же. — Р-1694. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. ЗЗа, ЗЗб.
21 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 16.
22 Крымский республиканский краеведческий музей (КРКМ). — Архив ТУАК. — КП-2310З. — Л. 23.
23 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 октября 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. —1919. — № 56. — С. 339.
24 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 5 сентября 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1919. — № 56. — С. 333-334. 25. Там же. — С. 334.
26 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 19 октября. 1917 г. // ИТУАК. — Симферополь —1919.— № 56.—С. 339.27. Моисеев Л.А.Указ. соч. — С. 252.
28 ГА АРК. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 44.
29 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. З.
30 Там же. — Л. 17.
31 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 28 января 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 2.
32 ГА АРК. — Р-2237. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 8—8 об.; Р-2238. — Оп. 1. — Д. 3.-Л. 5.
33 КРКМ. — Архив ТУАК. — КП. — 23102. — Л. 4-4 об.
34 ГА АРК. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 24. — Л. 1З.
35 Там же. — Л. 8.
36 Там же. — Р-2475. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 1; Д. 4. — Л. 4.
37 Надинский П. И. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Крыму // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. — Симферополь, 1957. — С. 110.
38 ГА АРК. — Р-1616. — Оп. 1.— Д. 5. — Л. З.
39 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссий за1918 г. // ИТУАК. —

Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57.— С. 61.
40 ГА АРК.— Р-2424. — Оп. 1.— Д.1.— Л. 9, 31, 35, 36; Д. 2. — Л.15; Д. 3. — Л. 5, 6, 8; Д. 5.— Л. 149.
41 Там же.— Р-1612.— Оп. 1. — Д. 1. — Л. 19.
42 Там же. — Р-2237. — Оп. 1.— Д. 7. — Л. 1.
43 ГА АРК. — Р-2257.— Оп. 1. — Д. 10. — Л. З.
44 Там же. — Ф.455. — Оп. 1. — Д. 394. — Л. 34-34 об.
45 Там же. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 394. — Л. 70.
46 Зарубин В. Г. Указ. соч. — С. 17.
47 ГА АРК. — Р-999.— Оп. 2. — Д. 24. — Л. 16-17.
48 Там же. — Д-402. — Д. 20-21.
49 Там же. — Р-999. — Оп. 1. — Д. б2. — Л. 14-15 об.
50 Там же. — Л. 42.
51 Протокол заседания Таврической учетной архивной комиссии 15 ноября 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 25.
52 ГА АРК. — Р-999. — Оп. 2. — Д. 24. — Д. 8-8 об.
53 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссий 15 ноября 1918 г. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 24
54 ГА АРК. Ф.661.— Оп. 1. — Д.12. — Л.56.
55 Там же. — Л. 56 об.
56 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 2; Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 6З.
57 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 14 об.
58 Там же. — Р-2425. — Оп. 1. — Д.54. — Л.5-10; Р-2269. — Оп. 1. — Д.13. — Л. 7, 13, 45-47.
59 Там же. — Р-2269. — Оп. 1.— Д.13. — Л. 1.
60 Там же. — Л. 1 об. — 2.
61 Там же. — Р-2425. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 2.
62 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 17 об.
63 Там же. — Р-999. — Оп. 1. — Д. 163. — Д. 317.
64 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 163.
65 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919-ый год. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 71.
66 Гриневич К.Э. Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей. — Керчь, 1919. — С. 12.
67 ГА АРК. — Р-999.— Оп. 2. — Д. 24. — Л. 22.
68 Там же. — Р-998. — Оп. 1. — Д.186. — Л. 10.
69 Там же. — Р-3292. — Оп. 1. — Д. 130. — Л. 7 об.
70 Декреты Советской власти. — М. — 1959. — Т. 2. — С. 389-390; М. —1964. — Т. 3. — С. 352-355.
71 ГА АРК. — Р-1733. — Оп. 1. — Д. 173. — Л.103.
72 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 18 июня 1919 года. // ИТУАК. — Симферополь.—1920.—Приложение к № 57.—С. 43.
73 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919 год. // ИТУАК. — Симферополь.— 1920. — Приложение к № 57. — С.71.
74 ГА АРК. — Р-1733. — Оп. 1. — Д.173. — Л. 37.
75 Там же. — Л.103.

76 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 14 об.
77 Там же. — Р-20. — Оп. З. — Д. 52. — Д. 36.
78 ГА АРК. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 52. — Л. 1 об.
79 Там же. — Р-2424. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 2.
80 Там же. — Р-1829. — Оп. 1. — Д. 8. — Д. 69.
81 Там же. — Р-2424. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 4.
82 Там же. — Д. 22. — Л. 23.
83 Там же. — Л-21-22.
84 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 5. — Л.11 об.
85 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 8. — Л.15 об.; Д. 12. — Л. 63 об.; Д. 19.— Л. 5 об.; Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л.10.
86 Там же. — Р-3292. — Оп. 1. — Д. 131а. — Л. 1.
87 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 91-92.
88 Там же. — Л. 93-93 об.
89 Там же. — Р-20. — Оп. З. — Д.52. — Л. З1.
90 Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 15 ноября 1919 года. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 54—55.
91 КРКМ. — Архив ТУАК. — КП — 23075. — Л. 20; КП — 23076. — Л. 5 об.
92 ГА АРК. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 4.
93 Там же. — Л. 14.
94 Там же. — Ф. 661. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 2.
95 Там же. — Д. 12. — Л. 59; Д. 19. — Л. 4 об.
96 Там же. — Р-2235. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 8.
97 Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1919 год. // ИТУАК. — Симферополь. — 1920. — Приложение к № 57. — С. 73.
98 ГА АРК. — Ф. 455. — Оп. 1. — Д. 9864. — Л. З; Р-3292. — Оп. 1. — Д.146. — Л. 4.
99 Там же.— Ф. 37б.—Оп.5.—Д. 15251.—Л. 16-16 об; Маркевич А. И. Указ. соч. — С. 144.
100 ГА АРК. — Р-1271. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 5.